

А. А. Иванов

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

Православная Церковь и русский национализм во второй половине XIX — начале XX века

Аннотация. В статье, основанной на материалах дореволюционной публицистики, показано отношение православных церковных авторов второй половины XIX — начала XX в. к ряду сюжетов, связанных с проблематикой русского национализма. Актуальность публикации заключается в традиционно высоком интересе российского общества и его части — православных христиан к отношению Русской Православной Церкви к национализму в различных его проявлениях. Поскольку в современной церковной публицистике происходит возвращение к тому же кругу проблем, который волновал представителей православного духовенства, богословов, миссионеров и преподавателей духовных школ в дореволюционный период, обращение к историческому опыту их осмысления представляется достаточно важным и нужным. В статье рассматриваются такие сюжеты, как понимание национализма церковными авторами, их представления о месте национализма в жизни православного христианина, вызовы и угрозы национализма. Отмечается, что, хотя Православная Церковь не имела единого и непротиворечивого взгляда по отношению к национализму, большинство церковных авторов пытались придать этому явлению направление, которое бы не противоречило евангельскому учению и могло бы стать конструктивным и созидательным фактором русской жизни. При этом отмечается, что, рассуждая о национализме,

церковные авторы второй половины XIX — начала XX в. часто вкладывали в это понятие не тот смысл, которым обычно наделяют его современные учёные, политики и журналисты. Отвергая с христианских позиций воинствующий, «языческий», секулярный национализм, ставящий своей целью лишь земное преуспеяние народа, они защищали национализм, заключавшийся в праве народов на особый духовный путь, культурную и государственную самобытность и самостоятельность.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православное духовенство, русский национализм, нация, национальность, Российская империя.

Для цитирования: Иванов А. А. Православная Церковь и русский национализм во второй половине XIX — начале XX века // Ортодоксия. — 2021. — № 4. — С. 60–83. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-4-60-83

Официальная позиция Московского Патриархата в отношении нации, национализма и патриотизма отражена во второй главе «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» — «Церковь и нация». В частности, в ней отмечается, что вселенский характер Церкви не означает того, чтобы «христиане не имели права на национальную самобытность, национальное самовыражение», и указывается, что «в то же время национальные чувства могут стать причиной греховных явлений, таких как агрессивный национализм, ксенофобия, национальная исключительность, межэтническая вражда». Осуждая учения, «которые ставят нацию на место Бога или низводят веру до одного из аспектов национального самосознания», документ провозглашает миссией Православной Церкви «примирение между вовлечёнными во вражду нациями и их представителями»¹. Однако, отвергая агрессивный и безбожный национализм, документ обходит молчанием вопрос о возможности или невозможности существования национализма «правильного», то есть такого, который бы не противоречил христианству, а, напротив, находился бы у него на службе. Между тем вопрос о том, может или не может православный христианин быть националистом, появился уже в 1860-е гг. и с тех

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Патриархия.ру. — 2008. — 9 июня. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 24.01.2022).

пор продолжает волновать общество, вызывая оживлённые дискуссии, участниками которых являются не только политики, учёные, публицисты, но и представители Церкви, включая её пастырей и архипастырей (Православная церковь 2021), (Религия 2021).

По мере того как национализм стал превращаться во влиятельную политическую идеологию, духовенству и богословам, церковным публицистам и миссионерам пришлось задуматься об оценке этого явления с точки зрения православного вероучения. Начало церковному осмыслению русского национализма было положено во второй половине XIX в., и к началу XX в. полемика о национализме в церковной среде уже приобрела значительный масштаб. Среди тем и проблем, в рамках которых представители православного духовенства, преподаватели духовных школ, церковные публицисты и миссионеры наиболее часто обращались к сюжетам, связанным с пониманием народности, нации, национального и их места в христианской системе ценностей, в данной статье отметим лишь некоторые², которые наиболее часто становились поводом для дискуссии.

В первую очередь это касается представления церковных авторов о природе национального чувства и различных способах его выражения. Термины «народность», «нация», «национальность», «национализм» могли использоваться и как синонимы, и как понятия, имеющие существенные различия. Чрезвычайно широкий спектр значений, вкладывавшихся представителями Церкви в понятие «национализм», нередко приводил к тому, что, рассуждая о нём, авторы далеко не всегда говорили об одном и том же.

Религиозный философ протоиерей И.И. Фудель, развивая идеи К.Н. Леонтьева, справедливо отмечал, что слово «национальный» имеет различные значения и в обыкновенном словоупотреблении может иметь смысл как политический, так и культурный. Политический национализм, проявлявшийся во второй половине XIX в. прежде всего в различных национальных движениях, отмечал мыслитель, обычно не приводил к возрождению национальной культуры, а напротив, уподоблял европейские нации друг другу. В свою очередь национализм культурный, проявляющийся в самобытности, обособленности и своеобразии каждого народа и позволяющий ему реализовать своё национальное призвание, вовсе не нуждается в политическом объединении (Преимство от отцов 2012:

² Более полный обзор см.: (Иванов 2020); (Иванов и др. 2021).

345–355). Таким образом, национализм политический может оказаться врагом национализму культурному (например, национальное освобождение балканских славян не сделало их жизнь более самобытной, чем она была при турецком владычестве, а наоборот, привело к стремлению национальных элит образовавшихся независимых государств как можно скорее уподобиться некоему «усреднённому» западноевропейскому образцу). А значит, говоря о национализме, непременно приходится пояснять, о каком именно из «национализмов» идёт речь — о том, что направлен на сохранение национальной самобытности, или о том, что любой ценой стремится к национальной государственности.

Очень часто, рассуждая о национализме, церковные авторы вкладывали в это понятие что-то своё. Как писал «Санкт-Петербургский духовный вестник», «почва национализма чрезвычайно неустойчива и скользка» и «она каждым патриотом понимается различно»³. Архиепископ Никон (Рождественский) разумел под истинным русским национализмом славянофильское понятие «народности», видя в нём те свойства русской души, «которые отличают русского человека от всякого инородца» (Никон (Рождественский) 1915: 43). Для архиепископа Никанора (Каменского) национализм означал «священную идею народности», неразрывно связанную с православием и самодержавием (Никанор (Каменский) 1905: 385), а для протоиерея Т. И. Буткевича синонимом подлинного русского национализма являлось «русское мировоззрение» (Буткевич 1911). Протоиерей А. Д. Юрашкевич характеризовал национализм как «добавочную любовь» к своему народу (по сравнению с любовью к остальному человечеству)⁴, в сходном духе определял это явление и священник В. М. Пестряков, понимавший под национализмом «преимущественную любовь человека к своему народу предпочтительно перед другими народами», любовь «ко всему тому, что составляет индивидуальность народа, его дух...» (Пестряков 1912: 62). «Сконцентрированной любовью-ревностью к единоплеменникам своим, связанным <...> не только государственными узами, но, главное, одной верой, одним религиозным укладом жизни», считал национализм известный миссионер, «уральский златоуст» протоиерей Н. Г. Буткин (Буткин 1914: 1091). Иногда, обращаясь к термину

³ Цит. по: Народная гомилетика и проповедь чувств // Костромские епархиальные ведомости. — 1899. — № 24. — С. 771.

⁴ Юрашкевич А. Д. Национализм // Прибавление к Церковным ведомостям. 1910. № 7. С. 300; Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Заседание 45. 13 января 1912 г. — СПб., 1912. — Ч. 2. — Стб. 272.

«национализм», представители духовенства имели в виду то, что сегодня мы бы назвали национальными чертами или особенностями. Так, известный историк-музыковед протоиерей В. М. Металлов писал о «музыкальном национализме», подразумевая самобытность и неповторимость русской духовной музыки и выступая за её направление «в русло народных и церковных идеалов русских» (Металлов 1912).

Довольно часто в церковной публицистике второй половины XIX — начала XX в. национализм отождествлялся с патриотизмом⁵. Любовь к Отечеству неразрывно связывалась с любовью к соотечественникам и либо провозглашалась «национализмом», либо подразумевала его. Священник И. Фокин, к примеру, отмечал, что патриотизм — это любовь к родине, «к своему собственному-русскому, национальному, родному, заветному, что нас характеризует как нацию, как исторический народ, что нас отличает от всех прочих народностей и племенных групп» (Фокин 1906: 440). Отвечая критикам такого подхода, призывавшим провести грань между патриотизмом и национализмом, один из православных пастырей писал: «Понятия патриотизма и национализма в жизни современных людей так перемешаны между собою и так друг от друга неотделимы <...>, [что] вследствие неразрешимости этих двух понятий между собою оба они теперь в одинаковой степени входят в состав того чувства, которое называется чувством национального самосознания. <...> Мы по убеждению такие же патриоты и националисты, как и наши пасомые. Наш святой долг стоять на страже патриотических, а следовательно, и национальных интересов того народа, детьми которого мы считаемся. Весь вопрос, таким образом, сводится к тому, что пастырь и не может не быть патриотом, националистом» (Л-кий 1907: 34–35).

Более конкретные формулировки национализму старались дать преподаватели православных духовных школ и церковные публицисты с богословским образованием, также уделявшие этой проблеме немало внимания. Церковный историк, богослов и публицист А. А. Бронзов, выступая апологетом национализма, призывал понимать под ним «любовь к народу, к нации, к её свойствам, особенностям» (Бронзов 1915: 42). Преподаватель СПбДА В. А. Беляев указывал, что под «национализмом обыкновенно разумеют не *стихийно-естественное*, а *сознательное*

⁵ См., напр.: (Диаконов 1865); (Лужецкий 1898); (Розанов 1896); (Алексий (Дородницын) 1915: 69–73).

проявление в жизни и деятельности народа его национальных особенностей. Точнее говоря: национализм, в обычном понимании, получается тогда, когда к национализму естественному и стихийному присоединяется ещё сознание и высокая оценка тех национальных особенностей, которые находят себе выражение в народной жизни». Причём такая оценка рождается в результате знакомства с другими нациями и сравнения с ними (Беляев 1915: 5). Философ Н. Г. Дебольский, хотя его и нельзя отнести непосредственно к церковным публицистам, но в то же время человек близкий к духовной среде (сын известного протоиерея-бogosлова Г. С. Дебольского, некоторое время преподавал в СПбДА), лаконично определял «истинный национализм» как «сохранение своего», в отличие от национализма ложного, предполагавшего «захват чужого» (Дебольский 1916: 205).

Между тем либеральная интеллигенция обычно вкладывала в понятие «национализм» совсем иное значение, подразумевая под ним «шовинизм, узкий патриотизм, основанный на стремлении к исключительному господству собственного народа с унижением и даже истреблением всех остальных» (Толковый словарь 1905: 1284–1285); явление, которое «противоречит лучшим идеалам человечества» (Философский словарь 1911: 176). В большинстве своём, не отрицая в принципе национальной идеи, представители либерального направления русской философской мысли решительно отвергали национализм, видя в нём извращённую форму здорового национального чувства. Д. С. Мережковский предупреждал о «религиозной лжи национализма» (Религиозно-философское общество 2009: 16–24), Д. В. Философов писал о «яде» русского национализма⁶, Е. Н. Трубецкой видел в нём «новое язычество» (Национализм 2007: 218–225). Эта тенденция также нашла отражение и в текстах некоторых священнослужителей. Епископ Андрей (Ухтомский), признавая национальное самоутверждение народов непротивным христианству, понимал под национализмом его извращённую форму — «национальный эгоизм», характеризуя последний как «болезнь нации» (Андрей (Ухтомский) 1899: 204). Протоиерей Н. В. Концевич, ставший в советское время ректором Одесской духовной семинарии, говорил о безнравственности национализма, противопоставляя ему «здоровое, святое чувство любви к родине и родному православию» (Андрей (Ухтомский) 1916: 131). Протоиерей К. М. Аггеев, являвшийся членом

⁶ Философов Д. В. В чём яд национализма? // Речь. — 1911. — 23 октября.

петербургского Религиозно-философского общества, выказывал полную поддержку взглядам Мережковского на национализм, называя последний «извращённым национальным началом», «исключительным национальным эгоизмом» и явлением, «осуждённым Голгофским Крестом»⁷.

Поскольку термин «национализм» в рассматриваемый период мог наполняться самым разным содержанием и означать как чувство любви к родному народу, его истории и культуре, так и крайнюю национальную нетерпимость, самопревозношение и стремление к господству над другими, представителям Церкви, отстаивавшим право национализма на существование, приходилось всякий раз пояснять, что они имеют в виду «подлинный национализм», противопоставляя его национализму мнимому, ложному.

Национализм, которому большинство церковных авторов готовы были оказать свою поддержку, подразумевал твёрдое национальное самосознание, неразрывно связанное с православием. Такой «воцерковлённый» национализм, отмечалось в проповедях и статьях, нисколько не противоречит христианству, а наоборот, состоит у него на службе, поскольку каждый народ, будучи наделённым от Бога различными дарами, приняв православие, помогает всему человечеству приблизиться к пониманию истины. «Деятельность всех отдельных культурных народов является как бы хором, в котором каждому голосу отводится определённая партия и место, и в результате их деятельности получается единая гармония, цельная песня, т. е. общечеловеческий прогресс» (Платон (Петров) 1908: 424). Развивая эту мысль, протоиерей Е. Шероцкий писал: «...Человечество вынуждено смотреть на истину глазами народностей, и весьма понятно, что пред человечеством истина является окрашенной краской той национальности, глазами которой оно рассматривает истину. <...> Христианство, например, как Богооткровенная религия, так сказать, сверхнародна, но, во всяком случае, способы его усвоения чисто народные...» А раз так, то «во всех областях жизни мы, русские, можем быть и должны быть оригинальны, должны быть национальны»⁸. Задаваясь вопросом, вредит ли развитое национальное чувство христианской настроенности человека, один из православных пастырей отвечал: «Нет, оно никогда не мешало и не мешает человеку-националисту быть

⁷ Аггеев К. М. Национализм и религия // Биржевые ведомости. — 1914. — 9–10 декабря.

⁸ Шероцкий Е. Национальная идея как руководящее начало жизни и науки // Подолия. — 1911. — 23 декабря.

в то же время и истинным христианином. Не тем следует огорчаться, что люди национализму отводят видное место, а скорее тем, если национальное чувство у них недостаточно развито» (Л-кий 1907: 31–32). Уравнивая такие понятия, как «национальное чувство» и «национализм», архимандрит (позже — епископ) Платон (Петров) указывал на то, что все выдающиеся мыслители, писатели и религиозные деятели «возникали и вырабатывались на почве своей народности» и обогащали общечеловеческую культуру именно потому, что глубоко проникались «духом, жизнью и стремлениями народа», «воплощали в себе особенности и свойства своего народа и своего времени, но работая в чисто национальном духе и для своего народа». Но при этом священнослужитель делал важное уточнение к пониманию подлинного национализма: «Сохранять чистым и незапятнанным своё народное достоинство и уважать его в других» (Платон (Петров) 1908: 424–425).

Церковные публицисты, как правило, старались наделить русский национализм теми чертами, которые бы его облагораживали и придавали приемлемое направление для православного мировоззрения. Русский национализм становится оправданным в их глазах лишь в том случае, если его цель заключается в сохранении религиозной самобытности и «неповреждённого учения Христова», которое русский народ призван проповедовать миру. Выдающийся богослов митрополит Антоний (Храповицкий), посвятивший проблематике русского национализма несколько статей, старался направить это идейно-политическое течение в церковное русло. Решительно отвергая национализм западного образца, выросший «на началах римского язычества» и ставивший своей целью лишь «внешнее усиление государства или племени», материалистическое стремление служить «утилитарным интересам населения», архиерей противопоставлял ему иной национализм, призывая православных русских людей стремиться не к самовозвеличиванию, а к служению «высшей цели, цели святой, божественной и всемирной». «Истинный национализм» виделся владыке Антонию подчинённым религиозному идеалу и отстаивающим самобытность русской жизни. Подлинным русским националистом, согласно владыке Антонию, может считать себя лишь тот, «кто старается о таком направлении жизни народной, которое соответствовало бы нравственному сознанию или нравственному идеалу русского народа». При таком подходе, полагал он, окрепли бы и государство, и русское общество, «но цель жизни народной была бы не в самом этом благополучии,

а в достижении высших нравственных целей, благополучие же явилось бы как следствие»⁹. На том же настаивал тверской миссионер священник И. И. Ильгорский: «Идейный национализм должен быть направлен не к достижению внешних государственных выгод, а к такому направлению жизни народной, которое соответствовало бы нравственному сознанию или религиозно-нравственному идеалу русского народа»¹⁰.

В церковной публицистике также отчётливо прослеживается стремление к отождествлению русскости и православия. Быть русским — значит быть православным; как только православная вера в народе ослабевала, отмечали церковные авторы, так он начинал утрачивать свои лучшие национальные черты, свой уникальный облик и денационализироваться. По словам священника К. Е. Добросердова, для русских людей «вера православная и родина — одно целое, вне всяких ограничений» (Добросердов 1879: 12). «Русский человек — по преимуществу христианин, — писал церковный публицист И. Меньшиков, — национальность русского, смело можно сказать, есть христианство, и притом христианство православное» (Меньшиков 1906: 356–357). На ключевую роль православия в качестве фактора русской идентичности указывал причисленный ныне к лику святых протоиерей Философ Орнатский: «Замечательное дело: в России православная вера стала служить законом русской национальности. Надо быть православным, чтобы быть русским, хотя бы этот русский был еврей или татарин. Таким образом, дело христианской миссии в России стало и делом обрусения. И это вышло не насильственно, без огня и железа, а само собою по внутренней со времени святого Владимира связи русского народа с православием. <...> ...В течение 900 лет существования христианства на Руси миллионы язычников и магометан, русских подданных, сделались русскими по вере и национальности» (Речь священника Философа Орнатского 1890: 626–627). О том же говорил и викарий Санкт-Петербургской епархии епископ Никандр (Феноменов): «Ослабление в вере православной, потеря её, измена ей — сопровождается потерей русской национальности. И, наоборот, кто в веру православную перешёл, тот русским стал. “Православный” и “русский” в народном сознании слова — однозначашие» (Никандр (Феноменов) 1913: 20).

⁹ Антоний (Храповицкий). Что значит быть русским националистом? // Киев. — 1914. — 3 января.

¹⁰ Ильгорский И. И. Религиозно-моральные основы национализма // Колокол. — 1916. — 13 февраля.

Таким образом, понятие «русские» рассматривалось в церковной публицистике не столько с этнических позиций, сколько с религиозно-культурных; русским мало было родиться, истинно русским нужно было ещё стать, причём стать русскими при желании могли и представители иных народов, принявшие православие и русскую культуру.

Вместе с тем среди церковных авторов были и те, кто категорически не соглашался с отождествлением православия и русской народности. Так, профессор МДА М. М. Тареев утверждал, что христианство, открывшись миру «как абсолютная духовная религия», является антитезой «иудаистическому национализму», и если «еврейский религиозный национализм представляет собою самую высшую ступень религии земной, ограниченной», то евангельское христианство — это религия «чисто-небесная», «представляющая в религиозной эволюции тот же момент, что зарождение крылатой бабочки из ползающей личинки». Считая, что Ф. М. Достоевский и его последователи-почвенники, руководствовавшиеся принципом, что «не православный не может быть русским»¹¹, переоценили религиозное значение народности, Тареев полагал, что писатель говорил о православии русского народа «всё то, что можно сказать о древней еврейской религии». «Смело можно сказать, — заключал он, — что Достоевский в понимании православия русского народа стоит на высоте древних еврейских пророков, которые предназначали еврейскому народу великую миссию — благовествовать всему миру мир, правду и спасение... Но и высота еврейских пророков есть относительная высота, неизмеримо превзойдённая в Евангелии. И еврейские пророки не могли стать выше той ограниченности, которая существенно заключалась в самой идее народной богоизбранности. <...> И Достоевский стоит на высоте еврейских пророков, а не на высоте Евангелия» (Тареев 1908: 176, 293–295).

Но в большинстве случаев, задаваясь вопросом, в каком соотношении находятся религия и национальность, церковные публицисты и православные священнослужители приходили к выводу об их тесной взаимосвязи. Епископ Андрей (Ухтомский) отмечал в одной из своих ранних работ, что христианство не может относиться к национальному самоутверждению народов с безусловным отрицанием. При этом, признавая естественное *право* народов на национальную самобытность, будущий владыка не ставил им её в христианскую *обязанность*, приводя в пример

¹¹ Фраза, приписанная Ф. М. Достоевским герою своего романа «Бесы» Н. В. Ставрогину.

подвижников благочестия, которые были настолько поглощены исполнением своего христианского долга, что отрицали для себя какие-либо права. Отдавая себе отчёт в утопичности надежд на уподобление целых народов христианским аскетам и на появление в обозримом будущем на земле лишённого борьбы народов за свои права наднационального «Царства Божия», Андрей (Ухтомский) приходил к выводу, что национальное самоутверждение должно учитываться христианской политикой как факт, «которого не следует отрицать, но на основе которого надо строить» (Андрей (Ухтомский) 1899: 199).

Но вместе с тем в работах представителей Церкви нередко указывалось и на то, что «было бы величайшей ошибкой утверждать, что национализм тождественен с православием»¹². «Пред православной Церковью одинаково равны и русский, и румын, и грузин, и серб, и с этой точки зрения православие не может быть названо силой национализирующей», — отмечал один из пастырей. Но тем не менее, добавлял он далее, «в интересах русской православной Церкви будить национальное русское самосознание, ибо с падением этого самосознания пострадает и духовенство»¹³.

Как бы подводя итог дискуссии о допустимости для православного христианина национальных устремлений, профессор МДА Д. И. Введенский писал: «...Христианство <...> осудило национальный эгоизм и признало национальную самобытность» (Введенский 1901: 375). «... Возможен ли в христианине национализм? Да, возможен, но только он опирается не на физическое родство, не на территориальное совместительство, не на связи государственно-общественные, а исключительно на религиозные упования, на единство с народом своим в Боге, — развивал эту мысль протоиерей Н. Г. Буткин. — С положительной стороны религиозный национализм будет осуществлением любовного желания, чтобы в братьях по плоти отобразился полнее Христос, его благодатное Царство, с отрицательной — он выразится в отстаивании народного самосознания, народных упований, народной святыни от посягательства других народов, кои на место Истины Божией думают поставить свою человеческую правду» (Буткин 1914: 1092). Представляется, что под этими высказываниями могли бы подписаться подавляющее большинство представителей священнослужителей и православных учёных-богословов рассматриваемого периода.

¹² М. С. Национализм и православие // Подолия. — 1910. — 18 апреля.

¹³ Там же.

Но вместе с тем церковные авторы не закрывали глаза и на то, что в практическом своём воплощении национальная идея нередко оборачивается злом и может становиться силой, недружественной, а порой и откровенно враждебной христианству. Ещё в 1871 г. архимандрит (позже — епископ) Анастасий (Опоцкий), выступая против чрезмерного усердия русификаторов в Западном крае, указывал на то, что попытки заставить бывших униатов, перешедших в православие, обустроить обрядовую сторону их религиозной жизни по-русски, «не терпя здесь ничего непривычного для слуха и глаза великорусского человека», приносят только вред. Считая, что «сам Бог освящает национальное начало в религиозной жизни народов», церковный публицист в то же время напоминал, как ложно поняты патриотизм и национализм привели иудеев к неприятию Христа и отчуждению от других народов, а католических лидеров Польши — к религиозному фанатизму и нетерпимости, и предупреждал, что опасность превращения религии исключительно в инструмент национальной политики может грозить и русским националистам, если они будут видеть в православии лишь «русскую народную веру». Критикуя рьяных русификаторов, зачастую не проявлявших религиозной ревности в личной жизни, Анастасий (Опоцкий) писал: «Понятно <...> хлопотливое радение некоторых патриотов о православии — *для народа, с полным нерадением о нём для себя*: какое самоотвержение!.. Понятно и это удивительное, исчезающее, как дым, явление даже неправославных ревнителей православия, никогда и не думавших принимать его, а хлопотавших о нём — Бог весть почему только для народа, который благоразумно давал им наставление, подобное словам Св. Писания: *врачу исцелися сам!*.. Понятно и это блестящее многолюдство в храмах в праздники гражданские и малолюдство — в праздники церковные... Можно бы ещё указать немало и других несообразностей, истекающих из указанного источника; но не довольно ли и этих примеров, чтобы понять, какое болезненное направление может получить религиозная жизнь, какую пустотой отзываются и благовидные её проявления, когда святое дело религии подчиняется мирскому делу, для которого, нужно заметить, от этого нет ни малейшей пользы» (Анастасий (Опоцкий) 1871: 228).

Протоиерей Е. З. Капралов в связи с этим отмечал, что если между национальным самоутверждением и христианством возникает конфликт, то причина его кроется в ошибочном понимании либо первого, либо второго (Капралов 1892: 271). При абсолютизации национального

начала неверно понятая национальная идея вступает в конфликт с христианским вероучением, которое начинает приноситься в жертву чисто земным интересам, но и при ошибочном толковании христианства, ведущем к «прямолинейному космополитизму», начинается вредное для дела Церкви игнорирование национальных особенностей. Как отмечал священник В. Никольский, история знает немало примеров, когда Церковь поглощала национальность и когда национальность заслоняла Церковь, ставя «временные и чисто случайные интересы нации <...> выше вечных задач Церкви». И в том и другом случае допускалась ошибка, так как подлинная церковность и народность должны находиться в гармонии, сохраняя свою полную неприкосновенность. В качестве примера такой гармонии пастырь приводил «духовно-телесный состав человека»: «Благополучие жизни последнего зависит от гармоничного состояния души и тела. Душа, одухотворяя тело, живёт своей жизнью, нисколько не мешая ему. И правильное развитие государственно-общественной жизни русского народа обуславливается правильным взаимоотношением Церкви и русской национальности»¹⁴. Священник В. М. Пестряков, неоднократно выступавший в печати как сторонник русского национализма, вместе с тем отмечал, что «национализм, как всякое чувство, может извращаться, идти по ложным путям, принимать уродливые формы»¹⁵. Андрей (Ухтомский), в свою очередь, признавая то зло, которое нередко бывает следствием национального самоутверждения, писал, что «не существует такого явления в мире, где человек *не мог бы* проявить свою злую волю и *не проявил бы её*». А потому задача Церкви не отвергать национальные устремления как нечто изначально злое, а бороться со злым в этих устремлениях; «*не ломать то, чего не умеешь заменить лучшим, не забывая, разумеется, что замена худшего лучшим есть то, к чему естественно стремиться*» (Андрей (Ухтомский) 1899: 207).

В этом плане одной из проблем, заставлявших церковных авторов вновь и вновь возвращаться к дискуссии о русском национализме, стала его секуляризация, уподобление национализму западноевропейскому, становившемуся всё более далёким в своих устремлениях от христианских идеалов. Протоиерей И. И. Восторгов в начале XX в. с сожалением констатировал, что патриотизм и национализм всё чаще понимаются «в смысле

¹⁴ Никольский В. Церковь и национальность // Колокол. — 1916. — 17 января.

¹⁵ Пестряков В. М. Национализм и русское православное духовенство // Руководство для сельских пастырей. — 1912. — № 4. — С. 98.

европейском, то есть, в сущности, в смысле языческом». Национализм, основанный исключительно на привязанности к своему только потому, что это — своё, является национализмом «животным, зоологическим», считал пастырь, противопоставляя такому ложно понятому национализму «воцерковлённый национализм», который должен являться не целью, а средством в деле служения «Богу, Христу, Церкви, истине, православию, спасению мира и человечества»¹⁶. Если же рост русского национального сознания пойдёт мимо Церкви, заключал он, то такой национализм будет «эгоистическим, бездушным и сильным только на время», отдающим предпочтение временного вечному (Восторгов 1911: 587).

Практически все церковные авторы, как сторонники, так и противники русского национализма, единодушно выступали с критикой национального эгоизма. Но если для первых национальный эгоизм представлялся извращённой формой национализма (под которым нередко понималась национальная самобытность, а не политическая идеология), то для вторых эти понятия были тождественны. Проявления национального эгоизма, как уже отмечалось выше, виделись многим православным пастырям в первую очередь в жизни Западной Европы. Епископ Анастасий (Опоцкий) утверждал, что у «народов Запада преобладает национальный эгоизм, в последнее время до того развившийся, что Западная Европа в этом отношении сильно напоминает древний языческий мир», отмечая, что «русскую христиански настроенную душу не удовлетворит то счастье, которое определяется личными либо национальными интересами» (Анастасий (Опоцкий) 1881: 196). «Существенное различие патриотизма русского, да и вообще патриотизма восточных народов и культур от патриотизма племён и государств западных, выросших на началах римского язычества, заключается в том, что для последних самосохранение и внешнее усиление государства или племени является конечным предметом их вожделений, высшею целью их деятельности. Высока ли такая цель? Что представляет она собой, как не расширенное себялюбие, как не стадный эгоизм?» — писал в свою очередь митрополит Антоний (Храповицкий) (Антоний (Храповицкий) 1909: 1016). Митрополит Евлогий (Георгиевский) обращал внимание на то, что иногда здоровая национальная идея «извращается в идею шовинистическую» и «переходит как бы в некоторый

¹⁶ Восторгов И. И. 6 декабря 1911 года // Патриот. — 1911. — 6 декабря.

психоз»¹⁷. Правда, подобное перерождение «здоровой» национальной идеи в «нездоровую» он видел не у русских, а у поляков.

Впрочем, видя вестернизацию русского общества, представители Церкви выражали обеспокоенность и за русский народ. Священник И. И. Ильигорский сетовал, что, вопреки церковному взгляду на национальную самобытность, «иной национализм проповедуется ныне в светской периодической литературе», а его поборники «не хотят знать религиозных и иных высших целей жизни и сводят его исключительно к достижению условий русской жизни, благоприятствующих удовлетворению только интересов животной стороны человечества и, в частности, народа русского». Национализм «животный» и «зоологический» пастырь называл беспринципным и чуждым истинному русскому духу, призывая русский народ помнить, что стремиться он должен, прежде всего, к служению правде Христовой, а не к «блеску внешних условий жизни»¹⁸.

Архиепископ Никанор (Каменский) призывал русский народ «держаться своей национальности», но быть чуждыми «узкой исключительно» (Никанор (Каменский) 1905: 396). Епископ Димитрий (Сперовский) увещевал избегать пристрастия в оценке своего народа и не уподобляться неразумным родителям, которые видят в своих детях исключительно достоинства, а в чужих — одни недостатки, и, любя свой народ, как минимум уважать и другие (Димитрий (Сперовский) 1899: 719). Архимандрит Платон (Петров), говоря об извращении национальной идеи, осуждал «крайний национализм, называемый шовинизмом, квасным патриотизмом» и, рассуждая о «здоровом национализме», указывал, что он должен быть чужд «национального эгоизма, когда народное счастье создается на несчастьи других, а также далёк и от <...> национального самообольщения, когда народ закрывает глаза на свои недостатки и хвалит всё своё только потому, что оно своё, а не чужое» (Платон (Петров) 1908: 425). Чтобы избежать «лженационализма», который может заразить каждый народ, священник К. М. Ветлин призывал всегда помнить, что «наш русский дух в историческом своём развитии воспитан на началах евангельской любви и правды» (Ветлин 1915: 465).

¹⁷ Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Заседание 58. 2 мая 1908 г. СПб., 1908. Ч. 2. Стб. 2712.

¹⁸ Ильигорский И. И. Религиозно-моральные основы национализма // Колокол. — 1916. — 18 февраля.

* * *

Подводя итог, можно отметить, что большинство церковных авторов сходились во мнении, что в несовершенной земной жизни христианство и национализм обречены на сосуществование, и задача Церкви облагораживать, направлять и приближать к христианскому идеалу национальные устремления различных народов. Служа идее всечеловечества, считали они, Церковь не отрицает, что различные национальные культуры могут своими путями двигаться к общей цели — богопознанию, и именно в этой «цветущей сложности» заключается богатство и разнообразие церковной жизни. Не видели церковные публицисты и противоречия евангельским заветам в том, чтобы проявлять по отношению к своему народу любовь большую, нежели к другим. Соглашаясь с тем, что христианство призывает любить всё человечество без различия рас и национальностей, многие авторы отмечали, что предпочтительная, «добавочная» любовь к своему отечеству и народу также естественна и угодна Богу, как и особая любовь к своим ближайшим родственникам. Более того, эта предпочтительная любовь к своим, если в ней нет пренебрежения к чужим и возвышения над другими, является как бы ступенью на пути к следующему этапу духовного роста — любви всеобщей. Как Христос совмещал особую заботу о еврейском народе с любовью ко всему человечеству, так и Церковь Христова, являясь сверхнациональной в вопросах веры и спасения, может быть национальной в делах мирских, проявляя особую пастырскую заботу о народах, которые окормляет.

Вместе с тем важно отметить, что, рассуждая о национализме, многие церковные публицисты конца XIX — начала XX в. вкладывали в это понятие не тот смысл, которым обычно наделяют его современные учёные, политики и журналисты. Отвергая с христианских позиций воинствующий, «языческий», секулярный национализм, ставящий своей целью лишь земное преуспевание народа, они защищали национализм, заключавшийся в праве народов (в данном случае русского) на свой особый духовный путь, культурную и государственную самобытность и самостоятельность. При этом особо подчёркивалось, что «правильный национализм» должен не только «любовно, законно, по-братски относиться ко всем национальностям», но и, главное, подчиняться христианской идее, а не преобладать над ней и не претендовать на главенствующее значение в жизни христианского общества.

Сведения об авторе:

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Алексий (Дородницын). Полное собрание сочинений : в 2 т. — Саратов, 1915. — Т. 2. — 304 с.

Анастасий (Опоцкий). О том, что мы должны неизменно хранить православие как вернейшее и совершеннейшее исповедание Богооткровенной истины и как лучшее достояние русского народа // Минские епархиальные ведомости. — 1881. — № 7. — С. 181–198.

Анастасий (Опоцкий). Взгляд на дело распространения и утверждения православия в Западном крае России: (В память воссоединения униатов с Православною Церковью) // Минские епархиальные ведомости. — 1871. — № 29. — С. 226–230.

Андрей (Ухтомский). Национальное обособление христианских народов и историческая задача церкви // Богословский вестник. — 1899. — Т. 2. — № 6. — С. 194–208.

Андрей (Ухтомский). Об основании Восточно-русского общества // Уфимские епархиальные ведомости. — 1916. — № 4. — С. 131–133.

Антоний (Храповицкий). О национализме и патриотизме // Волынские епархиальные ведомости. — 1909. — № 51–52. — С. 1015–1022.

Беляев В. А. Национализм, война и христианство. — Петроград : Тип. М. Меркушева, 1915. — 38 с.

Бронзов А. А. Предосудителен ли «национализм»? // Церковный вестник. — 1915. — № 2. — С. 40–44.

Буткевич Т. И. Задачи русского народного самосознания // Колокол. — 1911. — 5, 9 февраля.

Буткин Н. Г. Уроки войны // Екатеринбургские епархиальные ведомости. — 1914. — № 49. — С. 1085–1093.

Введенский Д. И. Общехристианское единение и национальная самобытность народов // Вера и Церковь. — 1901. — Кн. 3. — С. 364–382.

Ветлин К. М. Голгофа и воскресение // Тверские епархиальные ведомости. — 1915. — № 30. — С. 563–567.

Восторгов И. И. Верность призванию // Владивостокские епархиальные ведомости. — 1911. — № 18. — С. 578–588.

Дебольский Н. Г. Начало национальностей в русском и немецком освещении // Журнал Министерства народного просвещения. — 1916. — Февраль. — С. 183–207.

Диаконов Г. П. Слово в день рождения благочестивейшей Государыни, Императрицы Марии Александровны и тезоименитств благоверных Государей, Великих князей Николая Николаевича и Николая Николаевича // Черниговские епархиальные известия. — 1865. — № 17. — С. 525–534.

Димитрий (Сперовский). О любви к отечеству // Новгородские епархиальные ведомости. — 1899. — № 11. — С. 717–722.

Добросердов К. Славяно-русская цивилизация и православие // Астраханские епархиальные ведомости. — 1879. — № 1. — С. 9–12.

Е. Н. [Никанор (Каменский)]. Народность и космополитизм // Гродненские епархиальные ведомости. — 1905. — № 13. — С. 385–396.

Иванов А. А. Проблематика русского национализма в церковной публицистике второй половины XIX — начала XX в. // Тетради по консерватизму. — 2020. — № 1. — С. 176–196.

Капралов Е. З. Национальность и христианство // Ставропольские епархиальные ведомости. — 1892. — № 10. — С. 269–274.

Л-кий П. [Левитский П. А.?] Духовенство и национальный вопрос // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 2. — С. 29–36.

Лужецкий Д. Г. Слово в день рождения благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича // Калужские епархиальные ведомости. — 1898. — № 10. — С. 337–342.

Меньшиков И. К вопросу о народной школе // Православная Подолия. — 1906. — № 5–6. — С. 356–357.

Металлов В. О национализме и церковности в русской духовной музыке: (Памяти патриарха Гермогена и архимандрита Дионисия). — М. : Рус. печатня, 1912. — 15 с.

Национализм. Poleмика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. — М. : Модест Колеров, 2015. — 303 с.

Никандр (Феноменов). Слово в день празднования 200-летия Александро-Невской лавры, 30-го августа 1913 года // Известия Санкт-Петербургской епархии. — 1913. — № 17–18.

Никон (Рождественский). Мои дневники. — Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1914. — Вып. 1. 1910. — С. 19–22.

Пестряков В. М. Национализм и русское православное духовенство // Руководство для сельских пастырей. — 1912. — № 3. — С. 62–68.

Платон (Петров). Национальная идея и её значение в деле культурного развития народов // Холмская церковная жизнь. — 1908. — № 11. — С. 419–425.

Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX — начало XX века) / под ред. А. А. Иванова ; вступ. ст., сост., коммент. А. А. Иванова, И. В. Амбарцумова, В. В. Калиновского и др. — СПб. : Владимир Даль, 2021. — 799 с.

«Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель. Переписка. Статьи. Воспоминания / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. — СПб. : Владимир Даль, 2012. — 750 с.

Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде), 1907–1917 : история в материалах и документах : в 3 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. — М. : Русский путь, 2009. — Т. 3. 1914–1917. — 656 с.

Религия и национализм / под ред. А. Бодрова, М. Толстолуженко. — М. : Изд-во ББИ, 2021. — 221 с.

Речь священника Философа Орнатского // Киевские епархиальные ведомости. — 1890. — № 28. — С. 624–631.

Розанов Н. Любовь к отечеству с христианской точки зрения // Московские церковные ведомости. — 1896. — № 2. — С. 15–19.

Тареев М. М. Основы христианства : Система религиоз. мысли : в 5 т. — Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1908. — Т. 4. — 421 с.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. — 3-е изд., испр. и знач. доп. — СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1905. — Т. 2. — 2030 стб.

Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э. Л. Радлова. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1911. — 284 с.

Фокин И. Русское национальное самосознание в наши дни // Енисейские епархиальные ведомости. — 1906. — № 12. — С. 440–444.

Церковное осмысление национализма: pro et contra / А. А. Иванов, И. В. Амбарцумов, В. В. Калиновский [и др.] // Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX — начало XX века) : Антология. — СПб. : Владимир Даль, 2021. — С. 5–98.

Orthodox Church and Russian Nationalism in the Second Half of the 19th Century and Early 20th Century

A. A. Ivanov

INSTITUTE OF HISTORY OF SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
SAINT PETERSBURG, RUSSIA

Abstract. The article is based on the pre-revolutionary journalism. It reveals the attitude of Orthodox church authors of the second half of the 19th century and early 20th century to a number of subjects related to the problems of the Russian nationalism. The traditionally high interest of the Russian society in general and Orthodox Christians in particular in the attitude of the Russian Orthodox Church to nationalism in its various manifestations accounts for the relevance of the publication. Considering the return of the modern church journalism to the same range of problems that concerned representatives of the Orthodox clergy, theologians, missionaries and teachers of theological schools in the pre-revolutionary period, it would seem that an appeal to the historical experience of their understanding is fairly significant and essential. The article examines the ways in which church authors used to understand the nationalism, their ideas about its place in the life of an Orthodox Christian, along with its challenges and threats. It is noted that although the Orthodox Church did not have a single and consistent view of the nationalism, most church authors tried to give this phenomenon a direction that would not contradict the gospel teaching and could become a constructive and creative factor for the Russian

life. At the same time, it is noted that, when discussing the nationalism, church authors of the second half of the 19th century and early 20th century often gave this concept a meaning different from that of modern scientists, politicians and journalists. Standing at the Christian viewpoint, church authors rejected the militant, “pagan”, secular kind of the nationalism that involved only the earthly prosperity of the people. They supported another kind of nationalism consisting in the right of peoples to a special spiritual path, cultural and state identity and independence.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox clergy, Russian nationalism, nation, nationality, Russian Empire.

For citation: Ivanov A. A. (2021). Orthodox Church and Russian Nationalism in the Second Half of the 19th Century and Early 20th Century. *Orthodoxia*, (4), 60–83. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-4-60-83

About the author:

Andrey A. Ivanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya naberezhnaya, Saint Petersburg, Russia, 199034, e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

REFERENCES:

Aleksy, (Dorodnitsyn). (1915). *Complete Works in 2 volumes* (Vol. 2). Saratov. [In Russian].

Anastasy, (Opotsky). (1871). Vzgliad na delo rasprostraneniia i utverzhdeniia pravoslaviia v Zapadnom krae Rossii: (V pamiat' vossoedineniia uniatsv s Pravoslavnoi Tserkov'iu) [A Look at the Spread and Establishment of Orthodoxy in the Western Territory of Russia: (In Memory of the Reunification of the Uniates with the Orthodox Church)]. *Minskije eparkhial'nye vedomosti*, (29), 226–230. [In Russian].

Anastasy, (Opotsky). (1881). O tom, chto my dolzhny neizmenno khranit' pravoslavie kak verneishee i sovershennishee ispovedanie Bogotkrovennoi istiny i kak luchshee dostoianie russkogo naroda [That We Must Invariably Preserve Orthodoxy as the Truest and Most Perfect Confession of God-Revealed Truth and as the Best Asset of the Russian People]. *Minskije eparkhial'nye vedomosti*, (7), 181–198. [In Russian].

Andrei, (Ukhtomsky). (1916). Ob osnovanii Vostochno-russkogo obshchestva [On the Founding of the East Russian Society]. *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti*, (4), 131–133. [In Russian].

Andrei, (Ukhtomsky). (1899). Natsional'noe obosoblenie khris-tianskikh narodov i istoricheskaya zadacha tserkvi [National Separation of Christian Peoples and the Historical Task of the Church]. *Bogoslovskii vestnik*, 2(6), 194–208. [In Russian].

Antonii, (Khrapovitsky). (1909). O natsionalizme i patriotizme [On Nationalism and Patriotism]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*, (51–52), 1015–1022. [In Russian].

Beliaev, V. A. (1915). *Natsionalizm, voyna i khristianstvo* [Nationalism, War and Christianity]. Petrograd: Tip. M. Merkusheva. [In Russian].

Bronzov, A. A. (1915). Predosuditelen li “natsionalizm”? [Is “Nationalism” Reprehensible?]. *Tserkovnyi vestnik*, (2), 40–44. [In Russian].

Butkevich, T. I. (1911). Zadachi russkogo narodnogo samosoznaniia [The Tasks of Russian National Identity]. *Kolokol*, (5th and 9th of February). [In Russian].

Butkin, N. G. (1914). Uroki voyny [Lessons of War]. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*, (49), 1085–1093. [In Russian].

Dobol'sky, N. G. (1916). Nachalo natsional'nostei v russkom i nemetskom osveshchenii [The Beginning of Nationalities in Russian and German Coverage]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniia*, (February), 183–207. [In Russian].

Diakonov, G. P. (1865). Slovo v den' rozhdeniia blagochestiveishei gosudaryni, imperatritsy Marii Aleksandrovny i tezoimenitstv blagov-ernykh gosudarei, velikikh kniazei Nikolaia Nikolaevicha i Nikolaia Nikolaevicha [Word on the Birthday of the Most Pious Her Majesty the Empress Maria Maria Alexandrovna and the Namesakes of the Right-Believing Sovereigns, Grand Dukes Nikolai Nikolaevich and Nikolai Nikolaevich]. *Chernigovskie eparkhial'nye izvestiia*, (17), 525–534. [In Russian].

Dimitrii, (Sperovskii). (1899). O liubvi k otechestvu [On Love for the Country]. *Novgorodskie eparkhial'nye vedomosti*, (11), 717–722. [In Russian].

Dobroserdov, K. (1879). Slaviano-russkaia tsivilizatsiia i pravoslavie [Slavic-Russian Civilization and Orthodoxy]. *Astrakhanskii eparkhial'nye vedomost*, (1), 9–12. [In Russian].

E. N. [Nikanor (Kamenskii)]. (1905). Narodnost' i kosmopolitizm [Nationality and Cosmopolitanism]. *Grodzenskie eparkhial'nye vedomosti*, (13), 385–396. [In Russian].

Filosofskii slovar' logiki, psikhologii, etiki, estetiki i istorii filosofii [Philosophical Dictionary of Logic, Psychology, Ethics, Aesthetics and History of Philosophy]. (1911). Saint Peterburg: Brokgauz-Efron. [In Russian].

Fokin, I. (1906). Russkoe natsional'noe samosoznanie v nashi dni [Russian National Identity Today]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 440–444. [In Russian].

Ivanov, A. A. (2020). Problematika russkogo natsionalizma v tserkovnoi publitsistike vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv. [The Problems of Russian Nationalism in Church Journalism of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. *Tetradī po konservatizmu*, (1), 176–196. [In Russian].

Kapralov, E. Z. (1892). Natsional'nost' i khristianstvo [Nationality and Christianity]. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (10), 269–274. [In Russian].

L-ky, P. [Levitsky P. A.?]. (1907). Dukhovenstvo i natsional'nyi vopros [The Clergy and the National Question]. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*, (2), 29–36. [In Russian].

Luzhetsky, D. G. (1898). Slovo v den' rozhdeniia blagochestiveishego Gosudaria Imperatora Nikolaia Aleksandrovicha [Word on the Birthday of the Most Pious His Majesty the Emperor Nikolai Alexandrovich]. *Kaluzhskie eparkhial'nye vedomosti*, (10), 337–342. [In Russian].

Men'shikov, I. (1906). K voprosu o narodnoi shkole [On the Issue of Public School]. *Pravoslavnaia Podoliia*, (5–6), 356–357. [In Russian].

Metallov, V. (1912). *O natsionalizme i tserkovnosti v russkoi dukhovnoi muzyke: (Pamiati patriarkha Germogena i arhimandrita Dionisiia)* [On Nationalism and Churchness in Russian Sacred Music: (In Memory of Patriarch Hermogenes and Archimandrite Dionysius)]. Moscow: Rus. pechatnia. [In Russian].

Natsionalizm. Polemika 1909–1917. [Nationalism. Polemic of 1909–1917]. (2015). Moscow: Modest Kolerov. [In Russian].

Nikandr, (Fenomenov). (1913). Slovo v den' prazdnovaniia 200-letia Aleksandro-Nevskoi lavry, 30-go avgusta 1913 goda [Word on the Day of the Celebration of the 200th Anniversary of the Alexander Nevsky Lavra, August 30, 1913]. *Izvestiia Sankt-Peterburgskoi eparkhii*, (17–18). [In Russian].

Nikon, (Rozhdestvensky). (1914). *Moi dnevniki* [My Diaries]. (Vol. 1: 1910, pp. 19–22). Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoi lavry. [In Russian].

Pestriakov, V. M. (1912). Natsionalizm i russkoe pravoslavnoe dukhovenstvo [Nationalism and the Russian Orthodox Clergy]. *Rukovodstvo dlia sel'skikh pastyreĭ*, (3), 62–68. [In Russian].

Platon, (Petrov). (1908). Natsional'naia ideia i ee znachenie v dele kul'turnogo razvitiia narodov [The National Idea and Its Significance in the Cultural Development of Peoples]. *Kholmkaia tserkovnaia zhizn'*, (11), 419–425. [In Russian].

Pravoslavnaia tserkov' i russkii natsionalizm (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka) [The Orthodox Church and Russian Nationalism (Second Half of the 19th — early 20th Centuries)]. (2021). Saint Peterburg: Vladimir Dal'. [In Russian].

“Preemstvo ot ottsov”: Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel'. *Perepiska. Stat'i. Vospominaniia* [“Succession from the Fathers”: Konstantin Leontiev and Iosif Fudel. Correspondence. Articles. Memories]. (2012). Saint Peterburg: Vladimir Dal'. [In Russian].

Rech' sviashchennika Filosofa Ornatskogo [Speech of the Priest Philosopher Ornatsky]. (1890). *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*, (28), 624–631. [In Russian].

Religiia i natsionalizm [Religion and Nationalism]. (2021). Moscow: Izd-vo BBI. [In Russian].

Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde), 1907–1917: istoriia v materialakh i dokumentakh: v 3 t. [Religious-Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd), 1907–1917: History in Materials and Documents: in 3 vol.]. (2009). (Vol. 3: 1914–1917). Moscow: Russkii put'. [In Russian].

Rozanov, N. (1896). *Liubov' k otechestvu s khristianskoi tochki zreniia* [Love for the Fatherland from a Christian Perspective]. *Moskovskie tserkovnye vedomosti*, (2), 15–19. [In Russian].

Tareev, M. M. (1908). *Osnovy khristianstva: Sistema religioznoi mysli*. [Basis of Christianity: The System of Religious Thought]. (Vol. 4). Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoi lavry. [In Russian].

Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka Vladimira Dalia [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. (1905). (Vol. 2). SPb. ; Moscow: T-vo M. O. Vol'f. [In Russian].

Tserkovnoe osmyslenie natsionalizma: pro et contra [Church Understanding of Nationalism: Pro et Contra]. (2021). In *Pravoslavnaia tserkov' i russkii natsionalizm (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka): Antologiiia* [Orthodox Church and Russian Nationalism (Second Half of the 19th — Early 20th Century): Anthology] (pp. 5–98). Saint Peterburg: Vladimir Dal'. [In Russian].

Vetlin, K. M. (1915). *Golgofa i voskresenie* [Golgotha and Resurrection]. *Tverskie eparkhial'nye vedomosti*, (30), 563–567. [In Russian].

Vostorgov, I. I. (1911). *Vernost' prizvaniu* [Loyalty to Vocation]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*, (18), 578–588. [In Russian].

Vvedensky, D. I. (1901). *Obshchekhristianskoe edinenie i natsional'naia samobytnost' narodov* [Common Christian Unity and National Identity of Peoples]. *Vera i Tserkov'*, (3), 364–382. [In Russian].